
Предисловие

Этой эпохе посвящено больше научной, учебной и художественной литературы, чем всей остальной отечественной истории вместе взятой. В советские времена целые академические институты десятилетиями занимались «историей революции» — в сущности, очень коротким периодом.

Канва событий хорошо известна российскому читателю со школы и может быть изложена в одном предложении.

Самодержавная монархия не выдержала испытаний, которые обрушил на нее двадцатый век; одолеваемая внутренними противоречиями, она распалась в ходе общемирового кризиса — Первой мировой войны.

Поэтому главной своей задачей я считаю не пересказ фактов, знакомых аудитории, а анализ причин, по которым разразилась мегакатастрофа. Под таковой я имею в виду не падение монархии, а полный коллапс российского государства и последовавшую затем череду трагических потрясений.

Крах государства — вероятно, худшее, что может произойти со страной. У нас такое случалось дважды: в начале XVII века, когда весь тогдашний уклад рассыпался и Россия на несколько лет погрузилась в Смуту, и в начале XX века, когда произошло то же самое, только в неизмеримо большем масштабе.

Около восьми миллионов людей погибли от насилия, лишений и эпидемий во время Гражданской войны; около семи миллионов крестьян были заморены голодом в результате «коллективизации»; около шести миллионов были арестованы (из них 700 тысяч казнены*) в годы террора; целые нации отправились в ссылку; народ попал в гораздо худшее угнетение, чем при царизме, свергнутом во имя народной свободы.

* Цифры всех этих потерь в разных источниках оцениваются по-разному — я еще выбрал умеренные. Сама размытость мрачной статистики красноречивее всего свидетельствует о невероятной девальвации человеческих жизней: миллион туда, миллион сюда — какая разница?

ПОСЛЕ ТЯЖЕЛОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ БОЛЕЗНИ

Пожалуй, можно сказать, что предыдущие тома моей «Истории» являлись не более чем подготовкой к этому главному тому, ради которого и затевался весь проект. Мне хотелось разобраться в причинах гибели государства, *не вставая ни на одну из сторон*, чтобы не утратить объективности. Была — и остается — надежда, что если правильно проанализировать анамнез болезни, то, может быть, удастся с ней справиться при следующем обострении. А болезнь никуда не делась, страна по-прежнему нездорова — мы все это знаем.

Поставленная задача определила непривычную композицию книги. Она разделена на две половины, устроенные по-разному.

Первая часть называется «Букет болезней», потому что таковых было несколько. Среди них имелись врожденные или приобретенные естественным образом — вследствие специфики российского государственного устройства. Были «болезни роста» — вполне универсальные, присущие в то время всем развивающимся странам. Наконец, в 1914 году разразилась «пандемия», общий кризис западной цивилизации, приведший к мировой войне. Глобальное сотрясение погубило несколько государств с ослабленной сопротивляемостью организма, и раньше всех Россию.

Во второй половине книги излагается — в хроникальной манере, от года к году — «клиническая картина», приведшая к летальному исходу. Предварительно разобравшись во внутренних причинах происходящих процессов, читатель сможет лучше ориентироваться в хаосе стремительных событий. При желании том можно читать в обратной последовательности: сначала последнюю часть, описательную, а потом, «уже зная сюжет», — первую, аналитическую.

Много места в томе уделено попыткам лечения больного государства.

«Терапий» было три: охранительно-государственническая, прогрессивно-либеральная и революционная. У каждого из «докторов» были свои резоны и своя правота — но были и свои дефекты.

«Государственники» в целом лучше понимали человеческую природу и законы управления обществом, потому что обладали опытом власти, здравым смыслом и сознавали ответственность за страну. Однако к XX веку самодержавная система, за которую упорно держались «государственники», стала чересчур архаичной, она плохо соответствовала реалиям нового времени, ослабляла Россию, тормозила ее развитие. Попытки сохранить этот устаревший строй были заведомо обречены.

ВРЕМЯ НИКОЛАЯ II

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Либералы», тогдашние властители дум, руководствовались высокими идеями человеческого достоинства, свободы, народовластия, но, не имея практических навыков государственного управления, плохо представляли себе практические последствия своих прекраснодушных проектов.

«Революционеры» в основной своей массе (этот лагерь довольно пестр) были смелыми, самоотверженными людьми, которые тоже вдохновлялись очень красивыми идеями — идеями коммунизма, тогда еще не скомпрометированного. Как ни странно нам сегодня это сознавать, но у большевиков до революции была неплохая общественная репутация, ведь они не делали ставку на террор, как эсеры, не шли на компромиссы с царизмом, как либералы, и чуть ли не единственные выступали против мировой войны. Однако, как мы увидим, истинная роль революционных партий в крахе государства оказалась не столь уж велика. Поэтому — вопреки сложившейся традиции — я уделю в книге очень немного внимания Ленину и его соратникам. Если бы данный том охватывал события всего семнадцатого года, вплоть до Октября, нужно было бы, конечно, подробно осветить всю эволюцию РСДРП, но для рассказа о Февральской революции эти знания нам не понадобятся. *Монархию свергли не революционеры.*

Ни один из трех рецептов России здоровья не принес. Может быть, не то и не так лечили?

Часть первая

БУКЕТ БОЛЕЗНЕЙ

Дефект анатомии

В оправдание последнего самодержца можно сказать, что главные недуги его империи были наследственными. Первая болезнь, врожденная, имела тот же возраст, что и государство, — четыреста с лишним лет.

Здание, построенное во второй половине XV века отцом-основателем российского государства Иваном III, основывалось на жесткой централизации власти, которая в тогдашних условиях и тем более в последующие века обеспечивала сохранность обширной, разноукладной и разноплеменной страны.

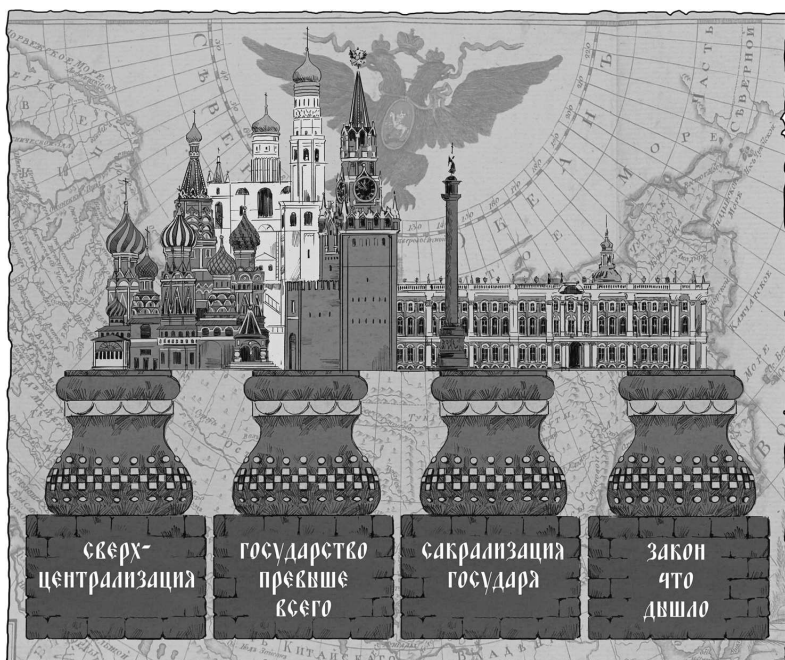
Я называю эту модель «ордынской», потому что Иван Васильевич позаимствовал ее в Золотой Орде, у монголов.

Государство «ордынского» типа — это очень сильный механизм. Главный его принцип — сверхцентрализация и единство управления — подкрепляется еще тремя «опорными колоннами», каждая из которых необходима, чтобы конструкция не рассыпалась. Это обожествление Государства как сверхидеи; сакрализация фигуры правителя; верховенство административной власти над законами. Нарушение или ослабление любого из несущих элементов подвергает всё строение риску разрушения.

В течение примерно полутора веков эта модель обеспечивала московскому государству преимущество над рыхлыми соседними державами, и оно быстро росло. Но «ордынскость» имеет и свои минусы. Первый распад российского государства, Смута, был вызван разрушением сакральности царской власти — пресеклась династия Рюриковичей. Потом, на протяжении всего семнадцатого века, пришлось эту опору восстанавливать, постепенно возвеличивая царей новой династии, Романовых.

К тому времени, когда авторитет и престиж верховной власти были реставрированы, обнаружилась новая проблема. Оказалось, что в новых исторических условиях сверхцентрализованность перестала быть эффективной. В Европе сформировался новый тип успешного госу-

ПОСЛЕ ТЯЖЕЛОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ БОЛЕЗНИ

«Ордынское государство». И. Сакуров

дарства, крепнущего за счет частной инициативы — торговли и промышленности. Россия быстро отставала от передовых стран.

Петр Первый нашел «асимметричный» способ преодолеть это отставание: превратил страну в военную империю (об этом в следующем разделе). Для этого царь-реформатор не разобрал обветшавший фундамент государства, а всемерно укрепил его. Суть петровских преобразований заключалась вовсе не в «европеизации», а, наоборот, в «азиатизации» державы. Все четыре «ордынские» опоры поднялись еще выше. Самодержавие устранило параллельные властные «подпорки» — боярскую думу, патриархию, земские соборы — и стало править тоталитарно. Административная «вертикаль» восстановила почти чингисхановскую стройность. Всё население, включая дворянскую элиту, было лишено личной свободы и фактически зачислено на государственную службу — установился своего рода культ Государства. Страна управлялась не по своду законов, а по указам, спускаемым сверху.

БУКЕТ БОЛЕЗНЕЙ

В дальнейшем выяснилось, что империя исправно завоевывает новые земли, но плохо распоряжается доходами-расходами; хорошо показывает себя во время войны и плохо — во время мира. Техническое и экономическое отставание стало приобретать угрожающие размеры, когда в западном мире развернулась индустриальная революция.

Правительство сознавало остроту проблемы и — еще со времен Екатерины II — неоднократно пробовало ее как-то разрешить. Но за каждой попыткой реформ следовал откат назад. В этом не было злой воли, как казалось многим либералам и революционерам, ненавидевшим самодержавие. Просто расшатывание любой из четырех опорных колонн создавало риск обрушения всей конструкции — и правительству приходилось спешно восстанавливать прежнюю систему.

Послабление в цензурных строгостях приводило к критическим атакам на власть (заметим, совершенно справедливым). Это подрывало сакральность фигуры государя и саму идею самодержавной власти. Если она не священна, то на каком основании ей следует безропотно повиноваться?

Ослабление зависимости от государства, от необходимости ему служить побуждало вольнодумцев критически пересматривать привычную идеологию. А что такого уж великого в Государстве? Почему его интересы важнее достойной жизни?

Установление единых для всех законов (судебная реформа 1860-х годов) нанесло удар по всесилию исполнительной власти. Судебная власть конкурировала с административной, что для «ордынской» модели совершенно невозможно.

Всякое нарушение единоначалия в условиях гигантской страны приводило к шатанию и разброду.

Н. Эйдельман писал: «Есть, очевидно, два способа управления такими территориями: первый — когда большую роль играет местное самоуправление, выбранное населением и отчасти контролируемое из центра. Один из создателей США, Томас Джефферсон, писал: “Наша страна слишком велика для того, чтобы всеми ее делами ведало одно правительство”. Второй способ — централизаторский: сверху донизу всеведущая административная власть, которая подавляет всяческое самоуправление».

Любой средний путь не работает, он разрушителен, а государственные и общественные лидеры предреволюционной России именно этим и занимались: искали средний путь — одни сверху, другие снизу.

ПОСЛЕ ТЯЖЕЛОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ БОЛЕЗНИ

Трагический парадокс российской жизни конца девятнадцатого — начала двадцатого века заключается в том, что демонтаж самодержавной диктатуры представлял для страны не меньшую опасность, чем сама диктатура.

Изнутри государство погубили два фактора: архаичность государственной конструкции и усилия лучших (без преувеличения лучших) людей того времени от этой архаичности избавиться.

Вот почему данный раздел состоит из двух больших глав. Одна посвящена людям, которые руководили государством и не спасли его; другая — борьбе между правительством и Обществом. (Когда я пишу это слово с большой буквы, имеется в виду не всё население страны, а его политически активная часть.)

Главным полем сражения был вопрос о самодержавии, то есть о том, какой должна быть власть в России — сверхцентрализованной или разделенной с Обществом.

Самодержавие плохо справлялось с управлением, но всячески отталкивало Общество, которое упорно пыталось ухватиться за руль. Автомобиль под названием «Россия» несся всё быстрее, вилял от обочины к обочине и в конце концов, на крутом повороте, полетел под откос.

Самодержец и самодержавие

«Индифферент-оптимист»

Начнем с носителя верховной власти — Николая Александровича Романова.

Очень многие пытались дать характеристику этому исторически важному персонажу. По большей части эти характеристики развернуты и многословны. Самую лаконичную и точную формулу, пожалуй, вывел один из придворных, князь Николай Оболенский, близко знавший императора: «Государь по натуре индифферент-оптимист. Такие лица ощущают чувство страха, только когда гроза перед глазами, и, как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит». Именно это качество — фаталистская вера в то, что всё как-нибудь устроится, что Господь придет на помощь Своему помазаннику и спасет его, — дает ключ к пониманию многих поступков правителя.

Министров подобный ни на чем не основанный оптимизм бесил, историков приводил в недоумение, на самом же деле это была совершенно естественная и, пожалуй, психологически единственно возможная защитная реакция абсолютно ординарного человека на ту исключительную ситуацию, в которую поставила его судьба. Когда ум не в состоянии справиться с объемом и сложностью обрушенных на него задач, приходится уповать только на Бога. Протопресвитер Г. Шавельский пишет, что Николай как-то признался: «Я стараюсь ни над чем серьезно не задумываться — иначе я давно был бы в гробу».

Дело не в том, что царь обладал очень средними интеллектуальными способностями и вообще был натурой неяркой. К концу XIX века государство превратилось в такой сложный агрегат, что никакой гений

в одиночку не смог бы им управлять. Нагрузка самодержца была совершенно невозможной. Времена, когда претенденты брали престол с боем и затевали перевороты, остались в далеком прошлом. Последним царем, рвавшимся к власти, был Павел. Уже его сын Александр мечтал о том, чтобы отказаться от престола и жить частной жизнью. Все последующие государи, даже динамичный Николай I, считали корону тяжким бременем и, если б существовал выбор, с радостью от нее отказались бы.

Отец последнего императора Александр III не блистал ни умом, ни способностями, но по крайней мере обладал сильным характером

БУКЕТ БОЛЕЗНЕЙ

и взшел на престол в зрелом возрасте, имея некоторый опыт государственной деятельности. Его сын стал царем, совершенно не готовый к роли властителя империи. «Когда мой отец умер, я был просто командир лейб-эскадрона гусар», — скажет Николай впоследствии. Он действительно ничем крупнее эскадрона прежде не управлял. К тому же власть свалилась на него неожиданно. Лишь за две недели до кончины Александра III стало ясно, что болезнь этого 49-летнего богатыря опасна. Когда царь умер, его наследник оцепенел не только от горя, но и от ужаса. Он пишет в дневнике о «страшной перемене», которая с ним произошла: «Для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь!».

Всё время своего правления этот заурядный, не уверенный в себе человек честно пытался соответствовать своему положению — не более.

Нельзя сказать, что цесаревича плохо готовили к высокой миссии. Романовы еще со времен Екатерины считали воспитание наследников важнейшим государственным делом. В детстве и юности у Николая были превосходные педагоги. Его учили по индивидуальной программе финансист Н. Бунге, правовед К. Победоносцев, химик Н. Бекетов и лучшие преподаватели Академии Генштаба. Молодой человек в совершенстве владел тремя иностранными языками — английским, французским и немецким. Но использовать полученные знания на практике в бытность наследником он не успел. По статусу обязанный присутствовать на заседаниях Государственного совета и комитета министров, Николай никак там себя не проявлял. В 26 лет по кругу интересов это был обыкновенный гвардейский офицер, по-настоящему увлекавшийся только охотой, спортом и музыкой.

Все, кто проштудировал личный дневник Николая, исправно ведшийся на протяжении всей его жизни, вероятно, испытали горестное недоумение по поводу того, от какой тусклой личности зависела жизнь огромной страны — не только ста семидесяти миллионов ее тогдашних обитателей, но и последующих поколений. Это весьма депрессивное чтение. Возникающий портрет саморазоблачителен.

Ноль мыслей, минимум эмоций, а те, что встречаются, как правило, мелки — чаще всего они вызваны погодой: «Утром погода привела меня в отчаяние», «Обиделся на мороз и не пошел гулять утром». Бесконечные перечисления подстреленной дичи, причем больше всего